

На правах рукописи

Лысова Елена Владимировна

ОРНИТОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2002

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Научный руководитель: член-корр. РАН, доктор филологических наук,
профессор **Матвеев А.К.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Полякова Е.Н.
кандидат филологических наук, доцент
Лабунец Н.В.

Ведущая организация: **Уральский государственный педагогический
университет**

Защита состоится "30" октября 2002 г. в 13³⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 212. 286. 03 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук в Уральском
государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-
83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского государственного университета.

Автореферат разослан "26" сентября . 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

М.А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В рамках современных исследований по диалектной лексикологии все чаще говорится о назревшей необходимости в систематизации лексических данных. Важным шагом в осуществлении этой глобальной задачи является изучение отдельных лексических групп, о чем писали ещё в 50-годы XX столетия: «В настоящее время было бы весьма своевременно составление монографий по отдельным сторонам словарного состава говоров. ... Например, монографий о лексике земледельческой, животноводческой, о лексике, относящейся к сельским постройкам, к названиям кушаний» [Аванесов, Орлова 1959, 4]. Предлагаемый подход позволяет не только выявить различные составляющие лексической системы одного говора (например, элементы исконные и заимствованные; современные и возникшие в прошлом лексические слои), но и представить картину его состояния в настоящее время (в условиях интенсивного воздействия на лексику говоров со стороны литературного языка, просторечия, профессиональной и жаргонной лексики, активного взаимодействия исконных и заимствованных элементов и т. п.).

Все это определяет *актуальность* предлагаемого диссертационного исследования, посвященного отдельной лексической группе говоров, функционирующих на территории Русского Севера (РС).

Объект исследования – орнитонимия РС, которая рассматривается с позиций её формирования, что предполагает изучение различных по происхождению слоев в рамках мотивационного, этимологического и лингвогеографического аспектов.

Выбор в качестве объекта анализа орнитонимической лексики РС обусловлен несколькими причинами. Во-первых, диалектные наименования птиц – одна из недостаточно изученных областей лексики русского языка, поэтому специальное исследование данной группы слов может представлять значительный теоретический и практический интерес в этимологическом, ономазиологическом, семасиологическом, лингвогеографическом отношении. Во-вторых, это одна из «наполненных» групп лексики РС, что свидетельствует о важной роли птиц в жизни носителей диалекта. В-третьих, лексика этой группы, включающая исконные и заимствованные элементы, может предоставить исследователю информацию о языковых контактах, происходивших на территории РС в прошлом.

В исследовании принимается точка зрения, согласно которой в состав РС включаются территории Архангельской области, за исключением Ненецкого АО, и Вологодской области, а также ряда сопредельных районов Мурманской области, Республики Карелии, Ленинградской области, Республики Коми. Включение этих территорий в состав РС объясняется тем, что границы распространения некоторых русских говоров не совпадают с границами современного административно-территориального деления.

Кроме перечисленных районов, в некоторых случаях привлекался материал сопредельных областей, не входящих в состав РС (Костромской, Ярославской, Владимирской, Новгородской, Московской и некоторых других): говоры РС относятся к говорам более позднего формирования, возникшим за пределами исконных для русских земель в результате миграции, и многие язы-

ковые факты были перенесены на РС с сопредельных областей в процессе переселения. В некоторых случаях приводятся диалектные данные по территории Урала и Сибири, имеющие значение для интерпретации лексики говоров РС. Включение лексики диалектных зон, не входящих в состав РС, позволяет в некоторой степени уточнить картину формирования его орнитонимии.

Значительный массив русского диалектного *материала* был извлечен из картотеки «Словаря говоров Русского Севера», работа над составлением которого ведется коллективом кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета под руководством А.К. Матвеева. Кроме того, привлекаются различные диалектные словари, которые содержат лексику исследуемого региона: «Архангельский областной словарь» (под ред. О.Г. Гецово́й), «Словарь областного архангельского наречия» (сост. А. О. Подвысоцкий), «Словарь Олонецкого наречия» (сост. Г. И. Куликовский), «Словарь Вологодских говоров» (под ред. Т.Г. Паникаровской), «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (под ред. А.С. Герда), «Живая речь кольских поморов» (сост. И.С. Меркурьев). Целый ряд орнитонимов извлекается из специальной орнитологической литературы, в частности, орнитологических справочников В.К. Рябицева «Птицы тундры», В.Б. Зимина, Э.В. Ивантера «Птицы» и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что предлагаемая работа представляет собой ономаσιологический, этимологический, лингвогеографический анализ исконной и заимствованной орнитонимической лексики, функционирующей на территории РС. Такая работа проводится впервые и вводит в научный оборот значительное количество нового диалектного орнитонимического материала. Совмещение различных аспектов в исследовании разнородной по происхождению лексики, позволяет дать комплексную характеристику группе в целом, а также каждой из выделенных орнитонимических подгрупп в отдельности. Кроме того, предложен ряд этимологий, не встречающихся в этимологической литературе.

В качестве основных *методов исследования* используются сопоставительный метод, метод научного описания и этимологический анализ, а также метод фонетической и семантической реконструкции, лингвогеографический анализ, приемы классификации и статистических подсчетов.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в спецкурсах и спецсеминарах по этимологии, ономаσιологии, исторической лексикологии, ареальной лингвистике. Работа может представлять интерес для специалистов в области русской диалектологии, истории русского языка, финно-угорovedения, контактологии. Приемы анализа, предлагаемые в диссертации, могут применяться при исследовании диалектной лексики с точки зрения её происхождения, а также при изучении лексической системы диалекта с точки зрения её формирования. Результаты могут быть использованы при составлении «Материалов для этимологического словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера». «Словаря говоров Русского Севера», работа над которыми ведется на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета, а также других лексикографических трудов такого рода.

Цель исследования – *выявить и интерпретировать с ономаσιологической и этимологической точек зрения* орнитонимическую лексику, функционирующую на территории РС. Цель работы требует решения следующих задач:

1) выделение различных (с точки зрения происхождения) подгрупп орнитонимии на основе выработанных принципов; 2) выявление и классификация мотивационных признаков, послуживших основой для образования орнитонимической лексики с прозрачной внутренней формой; 3) выявление ономаσιологического своеобразия диалектной орнитонимической лексики с прозрачной внутренней формой на фоне номенклатурной орнитонимической лексики; 4) этимологическая интерпретация орнитонимической лексики исконного и заимствованного происхождения; 5) разработка приемов для этимологического анализа орнитонимов «неясного» происхождения; 6) реконструкция этимологических признаков и моделей номинации, послуживших основой образования орнитонимов в прошлом, и сопоставление с результатами мотивационного анализа; 7) географическая и лингвистическая характеристика орнитонимических заимствований по принадлежности к различным источникам заимствования; 8) анализ отдельных заимствованных и исконных орнитонимов с точки зрения их истории и распространения.

Цель и задачи исследования определяют *структуру работы*, которая состоит из введения, трех глав, заключения и приложения, представляющего собой алфавитный указатель орнитонимов. Общий объем работы *224с.*, из которых основной текст составляет *195с.*

Апробация работы. Основное содержание работы было изложено автором в докладах на региональной конференции «Актуальные проблемы лингвистики (Уральские лингвистические чтения)» (1998), республиканском совещании «Русская диалектная этимология» (1999) и международной конференции «Лингвокультурологические проблемы толерантности» (2001). По теме исследования опубликовано 7 работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ обсуждается актуальность темы диссертации, говорится о научной новизне работы, характеризуется материал, на базе которого проводится исследование, формулируется его цель и основные задачи, определяются основные методы, устанавливается структура работы.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ «Исконная орнитонимия Русского Севера (мотивационный аспект)» с мотивационной точки зрения рассматриваются исконные орнитонимические номинации, сохранившие в своей структуре прозрачную внутреннюю форму: анализируется участие мотивационного признака в процессе образования орнитонима, а также выявляется, какой принцип номинации поддерживает участие того или иного мотивационного признака в ономаσιологическом процессе. Методика анализа лексем с прозрачной внутренней формой заключается в вычленении внутренней формы слова и в проекции ее на мотивационный признак, участвовавший в процессе номинации. Например, внутренняя форма орнитонима *белѣк* 'гусь особой породы' содержит информа-

цию о том, что гусь этой породы имеет оперение белого цвета. Проекция внутренней формы на ономаσιологическую плоскость показывает, что в основе образования орнитонима положен мотивационный признак, связанный с цветом оперения. В некоторых случаях определение мотивационного признака становится неоднозначным. Например, внутренняя форма орнитонима *ви́вчик* признается прозрачной. Однако неясно, благодаря какому качеству птица получает такое наименование. Отсюда возникают альтернативные мотивационные решения при интерпретации таких лексем. В результате при составлении классификации некоторые из рассматриваемых орнитонимов попадают в различные рубрики.

Основная задача проводимого анализа – выявить ономаσιологическое своеобразие орнитонимической лексики РС или установить его отсутствие. Результаты, полученные при ономаσιологическом анализе орнитонимов этой группы, могут быть использованы при интерпретации тех лексем, которые требуют этимологических решений. В ситуации, когда внутренняя форма слова неясна и оно нуждается в этимологическом объяснении, есть возможность смоделировать виртуальный мотивационный признак из разряда продуктивных. Проекция признака на потенциальную внутреннюю форму ведет к ряду этимологических версий, допустимых при интерпретации неясного с точки зрения происхождения орнитонима. Такой подход позволяет исключать ложные этимологические предположения.

Существенной проблемой, сопровождающей мотивационный анализ, становится разграничение фактов собственно диалектной орнитонимии и орнитологической, профессиональной и общепрофессиональной номенклатуры. Во всех номинативных группах продуктивны сходные ономаσιологические модели, кроме того, нередко наблюдается переход моделей из одной группы в другую, так что можно говорить о существовании особой общей системы орнитонимов, отличной и от собственно диалектной, и от номенклатурной. Вероятно, именно эта система, особую роль в распространении которой выполняет охотничья терминология, и фиксируется диалектными словарями. Общепрофессиональная орнитонимия, которая нередко входит как составная часть и в диалектную, и в номенклатурную группу, отдельно не анализируется.

Материал данного раздела представлен в виде классификации мотивационных признаков, участвующих в образовании орнитонимов. В ходе анализа выделены два принципа номинации: номинация по собственным признакам объекта и номинация по относительным признакам объекта. Каждая рубрика классификации сопровождается при необходимости комментариями.

В ходе анализа выделены следующие мотивационные признаки, участвующие в формировании диалектных и номенклатурных орнитонимов:

Номинация по собственному признаку предмета (I)

Номинация по признакам внешнего вида: признак, указывающий на общий размер птицы (*чайка малая, чайка большая*); признак, описывающий общий внешний вид птицы (*дутьиш, пухляк, щеголь, красавчик, распорша*); признак, характеризующий цвет оперения птицы (*журавль белый, ворона серая, белаяк, белянка, серок, черныш, пятнич, пеструшка*); признак, характеризующий часть тела

птицы по цвету, форме, производимым действиям (*крохаль длинноносый, дубонок, широконожка, шилохвость, вострохвость, плосконожка, черногалвка, белоглазка, белобок*); признак, фиксирующий наличие необычной части тела или необычной черты внешнего вида (*жаворонк розатый, нехвост бородатая, чернет хохлатая, хохлан, шапошница, лысуха*);

Номинация по признакам, характеризующим поведение, образ жизни птицы: признак, описывающий поведение, образ жизни птицы (*бургомистр, совь ястребиная, дождчик, исправник, разбойник, шалунчик*); признак, оценивающий поведение, образ жизни птицы (*глупыш, поганка, вишвик, еврей, жид*); признак, фиксирующий характерное движение, действие птицы (*камышарка, перевозчик, вьиха, вьюрок, кордунья, корнок, ледоломка, пряха, трясуничик*); признак, отмечающий способ добывания пищи (*рыбачка, рыболовка, мышелов, мышелон*);

Номинация по звуковому признаку (*дрозд певчий, пёночка-теньковка, пёночка-трещетка, барашек, бухарка, вакуша, варакушка, верещига, визгун, звонок, карга, карповка, клёкот, стучик, трескунок, частунок, свистунок, чивка, чиварейка*);

Номинация по признаку, который отражает мифологические представления (*бжжва птичка, херувим*).

Номинация предмета по относительному признаку (II)

Номинация по признаку, характеризующему локальную привязанность птицы (*гага сибирская, завирушка лесная, певунчик морской, кедровка, клест-еловик, клест-сосновик, береговушка, боровик, зуменик, дулянка, каменщик, луговка, москвовка, мошник, ольховик, поляш, хвйник*);

Номинация по признаку, характеризующему птицу с точки зрения употребляемой пищи (*дрозд-рябинник, ястреб-перепелятник, ястреб-тетеревятник, карасиха, ирговка, малинник, рябинник*);

Номинация по признаку, указывающему на связь со временем (*вещевременец, заморзок, зимняя утка, колосовица, чижик-черемушник, чижик-настовик*).

По результатам проведенного мотивационного анализа можно отметить, что в русском языке сформировалась устойчивая орнитонимическая система. Она существует в плоскости, пересекающей, с одной стороны, плоскость орнитологической номенклатуры и, с другой стороны, плоскость живого языка. Мы можем говорить об устойчивости системы, потому что все включенные в анализ орнитонимы существуют в рамках стабильной ономастиологической сетки. При этом все выделенные признаки номинации могут быть квалифицированы как типичные для этой группы лексик, потому что на базе этих признаков формируются целые ряды номинативных единиц. Однако необходимо отметить отсутствие яркого своеобразия рассматриваемых систем. Такой вывод

можно сделать на основании того, что единицы и модели номинации названных плоскостей нередко совпадают.

В ходе проведенного анализа были выделены некоторые тенденции развития орнитонимии диалекта и номенклатуры. Определелись модели номинации, продуктивные для номенклатуры, но нетипичные для диалектной орнитонимии. Остановимся на некоторых из них.

Модель, называющая птицу по признаку, который фиксирует размер тела и выражает это значение в оппозиции *большой – средний – малый*, характерна для номинативной системы номенклатуры (*большой крохаль – средний крохаль, большая чайка – малая чайка*). Приведенные и подобные им номинации не дублируются орнитонимической системой диалекта (такие наименования, как, например, пермское *малый рыболов* 'малая чайка' единичны и, вероятно, попадают в диалект из номенклатуры через язык охотничьей терминологии). Такие номинации могут быть квалифицированы как системные: их существование возможно только при наличии оппозиции: *большой – средний – малый*. Рассматриваемая модель может быть признана искусственной, так как оппозиция, отмеченная в таких «системных» номинациях, допустима в научной системе, однако не всегда возможна в среде естественной, потому что птицы-носители оппозиционных признаков редко сосуществуют на одной территории, которая может становиться объектом внимания одного номинатора. Об этом говорит также то, что естественный номинатор редко создает родо-видовую градацию, без которой невозможно видовое противопоставление. Он не видит *сову белую, утку серую*, он квалифицирует их как *серуха, белянка*, т.е. лишает объекты характеристики родовой принадлежности. Таким образом, наличие системной номинации должно вызывать сомнение в естественности модели.

Однако диалектная система свидетельствует об обратном, предлагая такую «пару», как, например, *марья, ванька* 'лесная птица'. О том, что выделенные номинации носят системный характер, свидетельствует факт фиксации наименований на территории одного района. В данном случае формируется парный оппозиционный признак, для которого подыскивается нужная парная форма. Используется традиционный для русского народного сознания образ *мужа – жены: Ивана – Марья*.

Таким образом, для орнитологической номенклатуры выделяется тенденция к систематизации признаков и к созданию системных номинаций. В свою очередь отмечается отсутствие тенденции к системной номинации в сфере диалектной орнитонимии, несмотря на наличие отдельных номинаций, отвечающих этому условию, которые должны быть признаны исключениями. Кроме того, отмечается, что использование при номинации признака, характеризующего размер тела птицы, нетипично для диалектной системы, однако продуктивно для номенклатуры.

При формировании орнитонимических систем активно используются признаки внешнего вида. При этом, система орнитологической номенклатуры предпочитает пользоваться расчлененными названиями, а система диалектной орнитонимии отдает предпочтение однословным формам: *ворона серая, гусь серый – серок, серёк, серушки; журавль белый, куропатка белая, сова белая, трясогузка белая – беляк, белянка; дятел пестрый – пеструха, рябчики,*

пятнiч; трясогузка желтая – желтушка. Вследствие этого можно выделить тенденцию к однословной конденсированной номинации в системе орнитонимии диалекта и тенденцию к двусловной (родо-видовой) номинации в системе научной терминологии. И соответственно, отметить тенденцию к наименованию по признакам внешнего вида, действующую в обеих системах.

При формировании диалектной орнитонимической системы активно участвуют признаки, характеризующие поведение птицы, фиксирующие действия и движения птиц, оценивающие образ жизни птиц, в то время как для научной терминологии этот способ непродуктивен.

Как продуктивная должна быть отмечена модель, называющая птицу по признаку, связанному со звуковыми характеристиками. На основе этого признака в группе орнитонимов с прозрачной внутренней формой формируются звукоописательные названия (в отличие от звукоподражательных). Причина этого в том, что мы имеем дело с номинациями, опосредованными восприятием номинатора: утка называется *чирок-трескунок*, потому что номинатор решил, что птица *трещит*, или *чирок-свистунок*, потому что номинатор решил, что она *свистит*.

Многими фактами подтверждается наличие тенденции к номинации при помощи семантической деривации. Часть таких переносов происходит внутри лексической группы «птицы»: *кулик-сорбка* 'вид кулика', *кулик-воробей* 'вид кулика', сова ястребиная 'вид совы', *татарская сорбка*, *татарская воробна* 'чибис', *заморский петушок* 'чибис'. Номинации, образованные на основе подобных семантических переносов, встречаются как в системе диалекта, так и в номенклатуре. Часть номинаций, оцененных как результат семантической деривации, выходят с семантической точки зрения за рамки орнитонимической лексической группы. Ряд орнитонимов обнаруживают семантическую связь с лексикой, обозначающей животных: *баран*, *барашек*, *кошка*; ряд орнитонимических номинаций обнаруживает связь с лексикой, обозначающей человека: *исправник*, *разбойник*, *бургомистр*, *довбчик*.

В качестве резюме делается вывод о том, что орнитонимическая система, с одной стороны, достаточно замкнута: существует определенный набор моделей и набор продуктивных признаков, которые действуют внутри системы. Развитие происходит за счет продуцирования новых единиц по заданным моделям. Этот вывод справедлив как для естественной диалектной орнитонимической системы, так и для искусственной системы номенклатуры. С другой стороны, естественная и искусственная орнитонимические системы становятся взаимопроницаемыми. Это выражается, прежде всего, в том, что названия из одной системы переходят в другую и наоборот. Последствия этого проявляются в том, что даже специалисты-лингвисты зачастую не в состоянии отличить орнитонимы одной системы от орнитонимов другой. Кроме того, одна система может продуцировать в другую не только названия, но и модели номинации, а вторая, в свою очередь продуцировать собственные номинации по заданным моделям. Таким образом, орнитонимические системы можно не только назвать замкнутыми, но и саморазвивающимися.

ВТОРАЯ ГЛАВА «Исконная орнитонимия Русского Севера (этимологический аспект)» посвящена лексемам, требующим этимологической интерпретации. В составе этой группы включены слова, которые разработаны в этимологической литературе и имеют удовлетворительную этимологию, а также слова, неясные с этимологической точки зрения. Рассматриваются орнитонимы, внутренняя форма которых непрозрачна, но корневая часть сопоставима с исконными корнями. При отборе материала учитывается фактор словообразовательной членимости слова и сопоставимости с аффиксами русского языка (в современном или историческом аспекте). Таким образом, в состав материала II главы входят лексемы, образованные от исконных корней при использовании исконных средств словообразования (например, *кравка*, *кривок*, *клуша*, *клип*).

В состав анализируемой лексики были включены орнитонимы, происхождение которых оценивается как «неясное» (рассматриваются случаи, когда этимология лексемы не объяснима однозначно ни на исконной, ни на заимствованной почве), например, когда слово, будучи исконным по происхождению, сближается с заимствованием (*бугуй*, *бугалень*, см. ниже), или, наоборот, когда слово, будучи предположительно заимствованным, сближается с исконной лексикой настолько, что уместно говорить об образовании и функционировании своеобразного «квазиисконного» орнитонима (*лугач*, *клубик*). Включение этой группы орнитонимов в раздел исконной лексики спорно, однако объяснимо. Это связано с тем, что за время функционирования орнитонимия подвергалась воздействию различных процессов, изменяющих первоначальную форму слова настолько, что лексема могла утратить первоначальные этимологические связи. От учета действия этих процессов иногда зависит возможность смоделировать этимологическую версию для «неперспективной», казалось бы, с этой точки зрения лексемы.

Если говорить об этимологической стороне вопроса, то, вероятно, результатом таких преобразований становится возникновение ситуации неоднозначной мотивации, вопрос о которой был поднят ещё в работах А.И. Попова [Попов 1957], Л.А. Булаховского [Булаховский 1968]. Эта проблема волнует и сейчас многих этимологов [Варбот 1995; Варбот 2001; Галинова 2001; Гридина 1989]. В некоторых случаях при попытках этимологического анализа исследователи приходят к выводу, что традиционные методы сравнительно-исторического подхода не дают ответов на поставленные этимологические вопросы.

Метод этимологической интерпретации орнитонимов с неясной внутренней формой может быть обозначен как метод ономаσιологического (а точнее – этимологического) моделирования. После установления лингвогеографической характеристики орнитонима определяется его семантико-мотивационное окружение (т.е. отмечаются все лексико-семантические параллели, функционирующие на исследуемой территории или на территории сопредельных областей). Так устанавливается потенциальная связь орнитонима с обнаруженными параллельными образованиями. Затем отрабатываются все возможные с ономаσιологической (семасиологической) и структурной точки зрения этимологические возможности. В результате во многих случаях появляется резюме о двух и более допустимых при интерпретации слова этимологи-

ческих версиях. Это оставляет впечатление своеобразной этимологической незавершенности анализа, но такая интерпретация более объективна, так как в ряде случаев нет критерия, на основании которого можно предпочесть ту или иную этимологию. Используемый подход позволяет заполнять «черные дыры» этимологии, предлагая веер этимологических потенций слова, каждая из которых имеет право на реализацию.

Разделение собственно исконной и «спорной» лексики производилось в зависимости от результатов этимологического анализа. Орнитоним признается «неясным» в том случае, если при фонетической и морфологической сопоставимости с исконными корнями обнаруживается семантический или ономаσιологический «изъян». Например, орнитоним *кля́вик* ‘кулик’ сопоставим с фонетической и морфологической точки зрения с исконным корнем и претендует на роль исконного образования. Однако, как показывает ономаσιологический анализ, произведенный в I главе исследования, такое образование нетипично для орнитонимической лексики. Последнее и становится критерием, исключаящим данный орнитоним из числа бесспорных исконных образований. Следствием описанной неоднозначной ситуации становится помета «неясное», которой сопровождается такой орнитоним. Относительно «спорных» орнитонимов необходимо заметить, что, с одной стороны, этимологическая судьба этих лексем – явление единичное, поэтому этимологизация каждого слова требует особого индивидуального подхода. С другой стороны, можно предположить, что в действии причин, вызывающих рассматриваемые изменения, присутствуют определенные закономерности. Поэтому целью исследования становится попытка выделить такие закономерности или констатировать их отсутствие.

В данном разделе рассмотрены следующие наименования: *бакла́жка*, *бакла́н*; *бры́зга*; *буга́й*, *бугале́нь*; *бухали́м*, *быхили́м*, *бухали́ца*; *вальну́шко*; *веленя́чка*; *вётог*; *вьри́к*; *гаревя́чник*, *горевя́чник*; *гаса́н*; *гвоздо́к*; *глёзди́к*; *грасова́к*; *губа́н*; *кава́ш*, *кавя́ши*; *кага́лка*, *кага́лка*; *ке́го*; *кля́вик*; *коса́к*; *кисе́лка*; *кля́п*; *кля́ша*, *кля́ша*; *кра́вка*, *криво́к*, *круче́нок*; *куви́дря*, *куве́дриха*, *куви́три*; *лика́рь*; *лифа́н*; *мара́кша*, *мара́куша*, *мара́куш*; *морда́ха*, *морда́шка*; *не́резень*; *ни́герь*; *пальня́шка*; *пиру́шка*, *плете́шк*; *плотоно́ска*; *плесо́узка*, *плия́шка*, *подпру́тник*; *полу́ха*; *пси́нка*; *пуга́ч*; *ро́кша*; *свёзь*, *сви́зь*, *сви́зь*; *семенду́ха*, *семену́шка*, *сману́га*; *стару́шка*, *ста́рчик*; *су́селень*; *теку́шки*; *ти́чека*; *фа́т*, *фа́тик*; *ча́пус*; *че́киш*; *чили́жник*; *чи́почка*; *чи́р*, *чиру́шка*, *чире́ц*, *чиро́к*, *чире́зь*; *чичи́бола*; *чоканчи́ки*; *чува́ш*. В основном это орнитонимы, которые не анализируются в этимологической литературе.

Остановимся на анализе некоторых орнитонимов с неясной внутренней формой, этимология которых может представить интерес.

Криво́к, *кра́вка*. *криве́ц*, *кривя́к* ‘кулик’. ‘морская птица с красными ножками’, ‘крачка белокрылая’, ‘кулик-сорока’ Арх.: Кем., Помор.; Беломор.; Кольск.; а также Петрогр., Сарат., Астрах., Южн. [Меркурьев; Подв., СРНГ].

Существуют следующие этимологические интерпретации этого орнитонима. М. Фасмер говорит о возможности образования орнитонима на основе признака внешнего вида (‘тот, который с красными (кровавыми) ногами’ > **крававка*), однако сам с сомнением относится к этой версии [Фасмер].

Авторы ЭССЯ считают орнитоним *кривок*, *кривач* 'кулик' производным от корня *крив-* 'кривой' на основе признака внешнего вида, фиксирующего изогнутую форму клюва кулика. Такая этимологическая версия оправдана с учетом этимологии, предлагаемой тем же источником для орнитонима *кулик* (лексема *кулик* связывается с праславянским корнем **kul-*, который обозначает *кривизну*, *сжимание*, *хромоту*). В качестве семантического обоснования замечается, что кулик известен своим длинным изогнутым клювом. Для сравнения приводятся фр. *becasse*: при *bec* 'клюв, нос', нем. *Schnepfe* 'кулик': при *Schnabel* 'нос, клюв'. Однако здесь не учитывается, что, во-первых, орнитоним *кулик*, который возводится к праславянскому языку, имеет реализацию в значениях 'клевст', 'чайка', что сводит на нет семантическое обоснование орнитонима, а во-вторых, что у орнитонимов *кривка*, *кривок* есть параллельная форма *кравка*, никак не связанная с корнем *крив-* 'кривой'. Кроме того, не принимается во внимание, что орнитоним *кравка* может иметь значение 'кравка'.

Обратим внимание на иную этимологическую версию для лексемы *кулик*, приводимую, но отвергаемую авторами ЭССЯ. Речь идет об этимологической версии, связанной со звукоподражанием. Данного мнения придерживаются Фасмер, Verneker, Schmidt-Göbel, Булаховский [ЭССЯ]. К этимологии *кравка*, *кривка*, *кривец* 'кулик' необходимо подходить через анализ *кравка*, *кравка* 'птица *Sterna*'. Орнитоним *кравка* можно признать звукоподражательным образованием от *кравать* (ср. *кравок* 'вид маленькой чайки' от *кравать* [Фасмер]), несмотря на то что, по замечаниям орнитологов, *кравка* обладает весьма «сильными» в номинативном отношении внешними признаками. В этом случае есть все основания считать *кравка* так же, как и *кравка*, звукоподражательным образованием, оформленным с помощью другого суффикса. Если принять такую этимологию, то можно объяснить участие вариантов корня *кра-*, *кри-* при образовании орнитонимов *кравка*, *кривка*, *кривец* 'кулик' (ср. как передается в разных источниках крик птицы: «*кри-кри*», «*кик-кик*», «*крек*»). В звукоподражательной природе корня *кри-* также не приходится сомневаться, о чем лишний раз свидетельствует глагол *кравать*, несмотря на то, что зафиксирован он только на территории Среднего Урала.

Клуп 'чайка' Влг., 'лесной кулик' Влад., Вят. [СРНГ]

Орнитоним *клуп* в этимологической литературе не рассматривается, однако авторы ЭССЯ приводят звукоподражательный праславянский глагол **klipati*, **klepati*, который имеет реализацию в следующих формах и значениях: сербохорв. диал. *клипати* 'бить, колотить', *клипнати* 'хлопать крыльями', словен. *klépati* 'стучать, колотить, бить', чеш. *klepati* 'колотить, бить'. Таким образом, есть основания связывать рус. диал. *клуп* 'кулик', 'чайка' с приведенными славянскими глаголами, несмотря на отсутствие последних на русской почве. Такое наименование хорошо объяснимо на семантическом уровне, так как некоторые птицы производят звук крыльями.

Кроме того, можно связывать образование орнитонима с глаголами типа рус. *кликать* звукоподражательного происхождения [Фасмер]. В этом случае образование орнитонима также будет связываться с признаком, характеризующим птицу с точки зрения производимого звука.

Нéрезень 'один из видов дикой утки, утка-полуха (*Anas strepera*)' Арх. [Подв.; СРНГ].

По мнению М.Фасмера, происхождение орнитонима «неясно». Степень этимологической «неясности» увеличивается при определении географического размещения орнитонима и учете набора морфологических вариантов. Кроме орнитонима, зафиксированного Подвысоцким на территории Архангельской области (который стал объектом внимания М. Фасмера), орнитоним в форме *нэрезень*, *нэрозень* приводится В. Далем, однако без указания места. В том же источнике без указания географической пометы встречаем орнитоним в форме *нэрыжэнь*, который автор считает фонетически искаженным. В донских говорах находим орнитоним в варианте *нерезнбй*, *нерознák* [СРНГ]. Орнитоним в варианте *нероженъ*, *нерозень* зафиксирован как факт украинского языка [ЕСУМ].

Семантическая характеристика слова указывает на связь с корнем, который реализуется в словах современного литературного языка *разный*, *разниться*, *рознь*, *порознь*. Тот же корень в исконнорусской огласовке выглядит как *розн-* (*рознь*, *порознь*), что дает объяснение источника формы *нерозень*, *нероженъ*, *нерознák*. Орнитоним, вероятно, появился на восточно-славянской (древнерусской) почве, о чем свидетельствует фиксация в украинском языке.

Таким образом, признавая рассматриваемый орнитоним как элемент исконной восточнославянской лексики, следует рассмотреть вопрос о том, какими путями он попадает на территорию РС. Учитывая, что на исследуемую территорию вторичного заселения древняя исконная лексика попадала вместе с одной из колонизаций (новгородской или ростово-суздальской), вероятно, орнитоним проник на РС этим же путем. Однако в говорах, которые выступают в данном случае в качестве посредников, орнитоним пока не засвидетельствован.

Далее остановимся на орнитонимах, этимология которых была признана неясной.

Клю́вик 'кулик' Олон.: Выт.; Влг. [СРНГ].

Название кулика *клю́вик* может быть хорошо объяснено, так как одной из ярких отличительных черт кулика является наличие длинного, иногда немного изогнутого клюва. Ср. фр. *becasse*: при *bec* 'клюв, нос', нем. *Schnepfe* 'кулик': при *Schnabel* 'нос, клюв' [ЭССЯ]. В переводе с французского и немецкого языков лексема, которой обозначают *кулика*, имеет значение 'носач', 'носик', 'клювик'. Однако для русского языка такое образование нетипично, что вызывает сомнение по поводу исконности образования орнитонима. Не исключена версия семантического заимствования (калькирование) из европейских языков. Проникновение семантического заимствования в говоры можно объяснить процветанием в 18-19 вв. охотничьей культуры.

Однако настаораживает, что при, казалось бы, убедительном сопоставлении с исконным корнем внутренняя форма орнитонима не соответствует выделенным ономаσιологическим тенденциям для орнитонимической лексики. Таким образом, уместно предполагать, что форма *клю́вик* возникает как измененное в результате народной этимологии наименование. В связи с этим любопытно сравнение орнитонима с вепским орнитонимом *küuki* 'речной кулик'. Если смоделировать заимствование из вепского языка в русский язык, то

должны ожидать форму типа **кювка* или **кивка* [Kalima]. Не исключено, что народноэтимологическая переработка гипотетического заимствования дает «квазисконную» форму *кльвик*. Относительно второго восстанавливаемого заимствования **кивка*, любопытно сравнение с орнитонимами *кйвель* ‘чибис’ Новг.: Сол. [СРГК], *кивбуша* ‘птица кулик’ Пск. [СРНГ]. Последние формы, учитывая возможную связь с приб.-фин. словом, также можно назвать «квазисконными» наименованиями.

Пугдч Арх.: Пин., Мез., Кем. [Подв.].

Вероятно, на территории Архангельской области функционируют два не связанных между собой орнитонима, полностью совпадающих фонетически и семантически.

Зафиксированный на территории Пинежского и Мезенского районов Архангельской области орнитоним *пугдч* ‘сова, филин’ соседствует с заимствованными орнитонимами Лешуконского района (*бугйн, бугуй*). Не утверждая заимствованную природу для мез. и пин. *пугдч* (образование орнитонима, вероятно, связано с исконным *пугать* при использовании типичного исконного суффикса деятеля, т.е. *пугач* ‘тот, который пугает’ или связано со звукоподражанием [Фасмер]), отметим вероятность семантической и фонетической контаминации, которая неизбежно должна проявляться при соприкосновении приведенных орнитонимов, чего, однако, не происходит: ареалы соседствуют, но не пересекаются.

Наиболее показательна в рамках сформулированной проблематики судьба кемского орнитонима. При, казалось бы, логичной и ясной исконной этимологии для кем. *пугдч*, связывающей орнитоним, как и в предыдущем случае, с глаголом *пугать*, а также допускающей связь с исконным звукоподражанием (ср. ворон., орл. *пугуч*, укр. *пугач*, укр. *пузу* ‘крик филина’ [Фасмер]), нельзя забывать, что орнитоним распространен на той же территории, где функционируют заимствованные лексемы в том же значении (*кюга, кюд, нюга*) [Kalima]. Вследствие этого не исключено, что орнитоним *пугдч* с приведенным суффиксальным оформлением – результат преобразования заимствования (*кюга* > *нюга* > *пугач*) на почве народной этимологии. Таким образом, можно говорить о русификации заимствованного орнитонима, которая сопровождается суффиксальным переоформлением структуры, а также переосмыслением корневой части орнитонима.

Особого внимания заслуживают орнитонимы, фонетическая и морфологическая структура которых оценивается как измененная. Среди проанализированных единиц это *ликáрь* (ср. *глухáрь*), *нйгерь* (ср. *снегйрь*), *веленйчка* (ср. *невелйчка*), *гвоздбк* (ср. *дрбзд*), *гроздбк* (ср. *дрбзд*), *тичэка* (ср. *птичка*). Предположение об изменении во многом объясняет необычную для русского языка форму. Может показаться, что включение таких орнитонимов в словарь является ошибкой собирателя, однако можно утверждать и то, что для этого есть свои, не всегда, может быть, понятные со стороны мотивы.

Наличие таких орнитонимов в словаре показывает, что нельзя недооценивать действие факторов изменения: если такое происходит с исконными словами с неясной внутренней формой, то можно предполагать, что подобное случается и с заимствованиями.

Среди орнитонимов, рассмотренных во второй главе исследования, однозначную этимологическую интерпретацию получают следующие слова: *бухали́м* (*бяхили́м, бухали́ца*), *вальнушко*, *вѣтюг*, *вѣрик*, *горевичник*, *кавди*, *каголка*, *клип*, *крученок*, *нѣрезень*, *плишка*, *полуха*, *рѣшка*, *свѣзь*, *семендуха*, *суселень*, *чѣпус*, *чекушки*, *чилижник*, *чѣпочка*, *чирок*, *чичѣбола*, *чѣканчики*, *чувѣш* (24). Неоднозначную этимологическую интерпретацию, которая связывает лексему с разными исконными источниками и, соответственно, допускает реконструкцию нескольких этимологических признаков, получили орнитонимы: *баклажка*, *бугѣй*, *веленичка*, *гвоздок*, *глѣздик*, *кѣселка*, *клуша*, *кравка* (*кривѣц*, *кривок*), *мордѣшка*, *пальнюшка*, *плотѣноска*, *плесогузка*, *подпрутник*, *псѣнка* (14). В ряде случаев восстанавливается один источник, но допускается реконструкция нескольких этимологических признаков: *бръзга*, *кувѣдра*, *марѣкуша*, *плетешок*, *фѣп* (5).

В целом, можно говорить о продуктивности этимологических признаков, связанных с характером выполняемого действия и звукоизвлечением. Единично выявлены действия признаков, связанных с характеристикой локативной привязки птицы (*пальнюшка*, *подпрутник*) и ее внешним обликом (*глѣздик*, *кравка*, *кривѣц*, *кривок*, *нѣрезень*, *пальнюшка*, *плотѣноска*, *плесогузка*, *фѣп*).

Можно отметить перераспределение степени активности признаков, участвующих в процессе именования, относительно лексики с прозрачной внутренней формой. В анализируемой группе реже отмечено участие внешних признаков. Признак, связанный со звуковой характеристикой птицы, чаще реализуется в моделях, не опосредованных глаголом (ср. *чѣканчик*, *чичѣбола*, *кравка*, *плишка*), в отличие от образований по тому же признаку, но посредством мотивирующего глагола в группе мотивированных орнитонимов (*свистунок*, *частунок*, *трескунок*). Однако нельзя утверждать, что критерий опосредованности или неопосредованности орнитонимической номинации глаголом определяет время формирования лексемы. Как звукоподражательные, так и звукообразительные наименования могли появляться в различные периоды существования языка. Тем не менее, можно предполагать, что для современного орнитонимического словообразования более характерно выражение признаков звуковой характеристики посредством глагольной семантики, в то время как для исторического словообразования непосредственным воплощением во внутренней форме звукоподражательных элементов.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Орнитонимия Русского Севера. Заимствованная лексика» рассматриваются заимствованные орнитонимы РС, а именно заимствования из финно-угро-самодийских языков, что связано с лингвоэтнической спецификой региона. В эту часть исследования были включены как лексемы, которые имеют надежную этимологию (например, *аллѣйка*, *бугѣй*, *бугѣй*, *габук*, *кѣкуша*, *кѣпала*), так и орнитонимы, принадлежность которых к числу заимствований не доказана (например, *вицугдан*, *каумбаха*, *сѣвка*, *шанара*). В составе заимствований есть орнитонимы, соотносимые с глаголами приб.-фин. происхождения, но не имеющие точных соответствий в приб.-фин. языках (*марандуха*, *ворандуха*, *рачкун*, *урѣкало*, *чирандушка*). Большинство из рассматриваемых в этой главе орнитонимов известно этимологической литературе. Однако, как будет показано ниже, нередко среди исследователей нет

единого мнения по поводу этимологии того или иного орнитонима. Причина этого в тех фонетических изменениях, которые претерпевает слово, функционируя в среде принимающего языка и которые затемняют первоначальную связь с источником. Кроме того, во многих случаях заимствованный орнитоним восходит не к современным источникам, а к тем языкам, которые функционировали на исследуемой территории в прошлом и которые, соответственно, либо сами претерпели фонетические и морфологические изменения, либо вообще исчезли. Поэтому следует, видимо, допустить, что этимологии некоторых орнитонимов обречены на существование в виде набора однозначно не доказуемых, но и не опровергаемых вариантов.

Задача проводимого анализа, во-первых, представить географическую и лингвистическую характеристику орнитонимических заимствований, а во-вторых, проследить судьбу отдельно взятых орнитонимов с точки зрения происхождения и распространения как по территории РС, так и по территории других регионов страны.

В данном разделе рассмотрены следующие орнитонимы: *атв́а*, *аклэ́й*, *аллэ́йка*, *бугу́н* (*бугу́й*), *бу́дун* (*бу́донко*), *вэ́тлик* (*ветля́к*, *векля́к*), *вичугда́н*, *габу́к*, *га́вка* (*га́зка*), *зунга́ч* (*юнга́ч*), *зу́ек* (*куёк*), *ка́йка* (*ка́кха*), *кау́мба́ха*, *ка́ян*, *ка́бас*, *кипи́ха* (*кипитка*), *ку́га*, *ку́кша*, *ку́ндыш*, *ко́ппала*, *купи́лок* (*купе́ц*), *кя́рен* (*кя́рна*), *маранду́ха* (*воранду́ха*), *ма́рьяха*, *ма́решь* (*ма́реша*), *на́рмота*, *не́ргач*, *о́тик*, *паса́рага*, *паса́ч*, *пу́кша*, *пу́нох*, *пу́хтой*, *ра́ттой*, *ра́чкун*, *са́вка* (*сау́к*), *соксун* (*коксун*), *тикáч*, *тулэ́с*, *тулупáн*, *турпа́н*, *урьжа́ло*, *чаба́р*, *чы́рага*, *чира́ндуха*, *чирда́к*, *чуха́рь*, *шана́ра* (47). Из них в этимологической литературе не встречаются *ка́бас*, *кипи́ха* (*кипитка*), *ку́ндыш*, *маранду́ха*, *ма́решь* (*ма́реша*), *ма́рья*, *о́тик*, *пу́хтой*, *ра́ттой*, *ра́чкун*, *тулупáн*, *урьжа́ло*, *чира́ндуха*, *шана́ра* (14). К числу неустановленных заимствований отнесены *атв́а*, *вичугда́н*, *кау́мба́ха*, *ка́бас*, *кипи́ха* (*кипитка*), *ку́ндыш*, *маранду́ха* (*воранду́ха*), *ма́решь*, *ма́рья*, *пу́хтой*, *ра́ттой*, *ра́чкун*, *са́вка* (*сау́к*), *соксун* (*коксун*), *тулупáн*, *урьжа́ло*, *чира́ндуха*, *чирда́к*, *шана́ра* (19).

К прибалтийско-финским заимствованиям было отнесено 27 орнитонимов, к предположительно саамским заимствованиям – 6, пермским – 7, немецким – 2. Неоднозначную этимологию, связывающую орнитонимы с различными финно-угорскими источниками, получают орнитонимы *аллэ́йка*, *аклэ́й*, *ка́кха*, *бугу́н*, *бугу́й*.

Как показал лингвогеографический анализ, прибалтийско-финские орнитонимические заимствования распространены практически по всей территории Архангельской области: значительное число их отмечено в Карелии, на примыкающих к ней территориях Ленинградской области, а также на Кольском полуострове. В Вологодской области, кроме прилежащего к территории современной Карелии Вытегорского района, прибалтийско-финские заимствования встретились в Белозерском, Вожегодском, Тотемском, Грязовецком и Никольском районах.

Во-первых, зоной прибалтийско-финских орнитонимических заимствований (1) является территория Архангельского Поморья, которая включает в себя Мезенский, Приморский, а также Онежский районы Архангельской облас-

ти, территория Кемского, Беломорского, Лоухского районов Республики Карелии (в прошлом – это территории Архангельской губернии, которые входили в состав Поморья). Кроме того, в эту же зону включаются территории Кольского полуострова (современная Мурманская область). Принадлежащими к этой зоне заимствований можно считать орнитонимы *аллэйка* ‘полярная утка’, *гáвка* ‘гагара’, *кипíха* (*кипитка*) ‘водящаяся у Зимнего берега птица из породы чаек’, *пúнох* ‘полярный воробей’, *пúхтой* ‘вид чайки’.

Во-вторых, зоной приб.-фин. орнитонимических заимствований (II) следует считать территорию бывшей Олонецкой губернии, охватывающую южную часть современной Карелии, а также Вытегорский район Вологодской области, Каргопольский, Плещецкий районы Архангельской области. К этой зоне можно отнести и все прилегающие районы со стороны Архангельской, Вологодской, Ленинградской областей. К заимствованиям этой зоны относятся *вётлик*, *виклúк* ‘вальдшнеп’, *гунгáч* ‘филин’, *гуёк* ‘птица гагара’, *нергáч* ‘сойка’, *óтик* ‘тетерев-косач’, *паскарáга* ‘сойка, лесная сорока’, *паскáч* ‘сойка’, *пúкиш*, *пúкиша* ‘сова’, *рáттой* ‘вальдшнеп’, *тикáч* ‘дятел’, *чирáндушка* ‘сойка’.

Можно говорить о том, что это различные зоны заимствования, потому что орнитонимы, относящиеся к ним, не пересекаются с географической точки зрения, кроме пограничных районов Карелии (Лоухский, Кемский). Этому не противоречит семантический фактор: на территории Архангельского Поморья заимствуются орнитонимы, обозначающие птиц арктических зон: ‘полярная утка’, ‘гага’, ‘полярный воробей’, ‘вид чайки’, ‘водящаяся у Зимнего берега птица из породы чаек’. На территории Карелии и прилегающих областей заимствуются названия лесных птиц: ‘тетерев-косач’, ‘сойка’, ‘вальдшнеп’, ‘сова’, ‘филин’, ‘дятел’.

Ареалы ряда орнитонимов, отнесенных к числу приб.-фин. заимствований, выходят за границы выделенных зон (*аклэй*, *шаклэя*, *шахлэя*, *вите-лúжник*; *гаук*; *кáйка*; *кúбас*; *купúлок*; *кýрен*; *марáндуха*, *пúночка*; *рачкúн*, *урбáло*). Таким образом, помимо выделенных зон I и II формируется зона III, расположенная на юго-востоке Архангельской области и складывающаяся из островных ареалов, которые охватывают Красноборский, Устьянский, Верхне-островский, Виноградовский районы Архангельской области. Кроме того, необходимо выделить ареал, включающий территории Виноградовского, Шенкурского, Холмогорского районов Архангельской области. Непрерывность отдельных ареалов может свидетельствовать о том, что орнитонимы могли заимствоваться из исчезнувших языков приб.-фин. типа, распространенных в прошлом на этой территории.

Зоны распространения саамизмов совпадают с зонами приб.-фин. заимствований I и II.

Ненецкие орнитонимические заимствования отмечены в районах, соседствующих с территорией функционирования ненецкого языка: Мезенский, Лешуконский районы Архангельской области, а также территория Прилечорья бывшей Архангельской губернии (ныне в Республике Коми).

Предположительные заимствования из пермских языков отмечены на территории, граничащей с районами функционирования коми языка.

Значительную часть главы III занимает этимологический словарь заимствованных орнитонимов. Приведем примеры некоторых орнитонимов, этимология которых может представлять особый интерес.

Луток, лудок, лутиха, лутийи, лутяи, лыток, лытка 'порода уток', 'луток' Арх.: В-Т; Пин., Леш.; Усть-Цилем.: Влг.: Кир.; Яросл.; Том., Сиб., Урал., Tobол., Свердл. [КСГРС; СРНГ].

По мнению Фасмера, орнитоним связан с *лыт* 'лыко, кора ивы' посредством семантической ступени *луток* 'кукла' [Фасмер]. Предлагаемая этимология не дает убедительного объяснения семантического перехода *луток* 'кукла' – *луток* 'утка'.

Ареал, охватывающий территории Архангельской, Вологодской, Ярославской областей, позволяет обратиться к данным финно-угорских языков. Близкие соответствия имеются в марийском языке: рус. *луток. лудок* ~ мар.-вост. *лудо*, рус. *лытуха. лыток* – мар.-зап. *тыды*. Эти соответствия позволяют предположить возможность заимствования в русский язык из источников, близких к языкам волжско-финской группы. Предполагаемая территория заимствования Архангельская, Вологодская, Ярославская области. Проникновение на территорию Урала и Сибири вторично.

Чирандушка 'сойка' Влг.: Бел. [КСГРС], ср. *чирандать* 'чирикать. болтать' Влг.: Бел., Вашк., *чиранто-выранто* (удар.?) (знач?) в загадке: *чиранто-выранто* под огороду гнетется (ручей). Олон. [СРНГ]

По свидетельству З.М. Дубровиной и А.С. Герда, звукоподражательные и образительные глаголам с суффиксом *-айда- (-анда-), -яйда- (-янда-), -ейда- (-енда-)* составляют многочисленную группу заимствованных из прибалт.-фин. языков глаголов [Дубровина, Герд 1979].

Вероятно, можно считать глаголы *чирондаты, чирандаты* заимствованием из прибалтийско-финских языков (ср. вепс. *čiraita* 'говорить баз умолку. тараторить', а также вепс. *čirka* 'чирикать. стрекотать. клочтать'), а *чирандушка* 'сойка' – отглагольным образованием на русской почве с помощью суффикса *-ушк*. Однако не исключено также возможное сближение и контаминация с рус. *чирикать*.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. К проблеме этнолингвистического изучения образов петуха и курицы в русской народной традиции // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 167–174.
2. О возможностях ономаσιологического анализа производной лексики (на материале оторнитонимических дериватов в русских говорах) // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 223–233.
3. Заметки по орнитонимии Русского Севера // Изв. Урал. ун-та. 2001. № 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 150–156.
4. К этимологии диалектных названий глухарки // Этимологические исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. Вып. 7. С. 78–88.
5. О явлении двойной мотивации диалектных слов // Актуальные проблемы лингвистики: Материалы ежегодной региональной научной конференции. 2–3 февраля 1998 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 1998. С. 18–19. (В соавторстве с Н.В. Галиновой.)
6. О вариантных решениях при ономаσιологическом анализе орнитонимической лексики // Русская диалектная этимология: Тезисы докладов и сообщений Третьего научного совещания, 21–23 октября 1999 г. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. С. 36–38.
7. К этимологии одного орнитонима (*луток* 'Mergus albellus') // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов Международной конференции 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т. 2001. С. 360–361.

Подписано в печать 12.09.2002. Формат 60x84 1/16
Бумага промышленно-печатная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 1.0. Заказ № 246. Тираж 100

Отпечатано в ИПЦ «Изд-во УрГУ»
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.